

УДК 93(37):355.65

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ И РАННЕИМПЕРАТОРСКОМ РИМЕ

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Исследуется проблема взаимосвязи между такими важными составляющими военного лидерства, как его аксиология и рутинное обеспечение войск продовольствием. Обосновывается тесная связь между традициями самоограничения в пище, характерными для римского воинского этоса, и специфическим римским социокультурным явлением *disciplina militaria*. Показано, что логистические аспекты военного лидерства в Древнем Риме – это не только грамотная организация полководцем интендантской службы и умение спланировать кампанию, но в еще большей степени умение военного лидера воспользоваться социокультурными установками римского армейского сообщества на самоограничение в материальном потреблении.

Введение. В современном антиковедении проблема военного лидерства остается неизменно актуальной. Чаще всего она разрабатывается в тесной связи с изучением социокультурных и идеологических аспектов военной истории античности [1, с. 142]. В последнее время появляются также работы, специально посвященные вопросам римской военной логистики, начало чему было положено монографией Дж. П. Рота (1999) [2]. Однако связь между этими двумя составляющими военного лидерства – его аксиологией и рутинным обеспечением войск (прежде всего продовольствием) – до сих пор не стала в мировом антиковедении предметом соответствующего изучения. Между тем, на наш взгляд, решение данного вопроса позволит соотнести теорию и идеологию полководческой деятельности в Древнем Риме с реальной практикой, связав тем самым идеальное и материальное как в отношении римского военного лидерства, так и, шире, применительно к римской традиции *disciplina militaria*.

Основная часть. В переписке Цицерона одним из интересных с точки зрения нашей темы мест является письмо некоего Целия, писавшего Цицерону о солдатах Цезаря: *Num tibi nostri milites, qui durissimis et frigidissimis locis, teterrima hieme bellum ambulando confecerunt malis orbiculatis esse pasti videntur? (Ad fam. VIII.15)* – «Разве наши солдаты, которые в суровейшей и холоднейшей местности, жесточайшей зимой закончили войну прогуливаясь, по-твоему, воспитаны на яблоках с красными щечками?» (пер. – В.О. Горенштейна). С учетом того, что *mala orbiculata* не были особенно изысканной пищей, они в данном случае символизируют ту пищу, которую настоящий римский солдат должен был бы выбросить как мусор. Целий же явно опирается здесь на устойчивое мнение, традицию, о которой можно судить по наиболее значимым ее образам.

В качестве образцов полководческого поведения в римской традиции чаще всего фигурируют Сципион Эмилиан и Квинт Метелл. Важнейшей же особенностью поведения Сципиона и Метелла как полководцев традиция представляет их особое отношение к пропитанию солдат. Причем на примере этих полководцев видно, что ограничение солдат в пище (в смысле недопущения здесь гастрономических изысков) было средством поддержания дисциплины. Как гласит предание, сами солдаты Сципиона и Метелла якобы потребовали от командиров определить их рацион, что те и сделали, запретив воинам некоторые виды пищи, как, например, мясо, если только оно не было жареным или вареным (относительно Сципиона – *App. Iber. 85; Plut. Mor. Regum et imperatorem apophthegmata 201 C*; относительно Метелла – *Sallust. B. Jug. 45. 2; [Front.] Strat. IV. 2; Valer. Max. II. 7. 2*)

Очевидно, что тенденция к ограничению римскими воинами своих потребностей была не просто особенностью римского военного этоса, а составляла одно из направлений работы над собой, прежде всего самих римских полководцев в качестве образцов такого стиля. О Помпее известно, что он ограничивал себя как в том, что он ел, так и в том, как эта пища была приготовлена (*Diod. Sic. XXXVIII. 9; ср. Veget. I. 3*). В этом отношении Помпей, видимо, следовал примеру Сципиона Эмилиана (о Сципионе Эмилиане – см. *Polib. XXXII. 11 – 15*).

Умеренность Помпея по отношению к пище и вину была превзойдена воздержанностью Цезаря. Известно, что Цезарь усиливал свою природную конституцию, следуя образу жизни рядового солдата, в том числе в отношении пищи (*Plut. Caesar XVII*). Стоит сопоставить плутархово сообщение о Цезаре с его же, Плутарха, описанием образа жизни Катона Старшего – этого символа староримских добродетелей (*Plut. Cato Maj. IV*). Суровость Катона в этом случае подчеркивается указанием на его привычку к самоограничению в пище.

Светоний также сообщает, что Цезарь был настолько безразличен к гастрономическим изыскам, что охотно ел «приправленные оливы» (*conditum oleum*), которые другие участники обеда есть не желали (*Suet. Div. Julius* 53). Стоит заметить, что «приправа» использовалась в данном случае, возможно, для того, чтобы скрыть тот факт, что оливы были низкого качества или испорчены. *Conditum* в данном пассаже противопоставляется *viridis*, понятию, обозначающему оливковое масло высшего сорта [3, p. 75 – 79]. Более того, Плутарх изображает Цезаря как человека, который способен управлять своим аппетитом не в пример другим. Так, в рассказе Плутарха Цезарь ест блюдо из спаржи, приправленное миррой вместо оливкового масла, не проявляя признаков неудовольствия, в то время как его сотрапезники отказываются есть блюдо. В обоих приведенных случаях Цезарь поступает так исходя из чувства долга, поскольку блюда подаются дружественными ему хозяевами застолья (*Plut. Caesar* XVII). Опять стоит заметить, что комбинация спаржи и мирры должна была претить вкусу гостей Валерия Леона, так как мирра использовалась римлянами в качестве приправы к вину, а не спарже («*apud prisco*» *Plin. N. H.* XIV. 13; XV. 92; *Claudii Aeliani Varia Historia* XII. 31). В действительности мирра являлась ценным продуктом, особенно если использовалась к месту (*Cic. Ad Att.* I. 19. 2). Такой же ценимой у римлян была и спаржа (*Plin. N. H.* XIX. 54). Поэтому оплошность Валерия Леона состояла в соединении двух изысканных, но не соответствующих друг другу компонентов.

Псевдо-Фронтин приводит множество примеров греческих и римских командиров, демонстративно употреблявших простую пищу на виду у людей более низкого статуса (*[Front.] Strat.* IV. 3. 1, 7 – 11). Таким образом, любые ассоциации между пищей и *otium* или *luxuria* у данных полководцев (и Псевдо-Фронтинана) сознательно исключаются, а потребление пищи становится символом *labor* (труда, в данном случае воинского).

Приведенные примеры, имея облик исторических анекдотов, требуют соотнесения их с реалиями римской армейской действительности. Хорошо известно, что солдатам обеспечивался определенный рацион. Правда, его размер и состав остаются в значительной степени предположительными [2, p. 4 – 44]. Тем не менее очевидно, что римская система жизнеобеспечения войск, лишь с трудом поддающаяся изучению, характеризовалась крайней нерегулярностью продовольственных поставок [2, p. 1 – 6].

Цезарь в своих «Записках» часто выражает беспокойство по поводу снабжения его войска хлебом (*Caes. B.G.* I. 16, 37 etc.). Впрочем, хорошо известно, что войско в классической древности в значительной степени находилось на самообеспечении [2, p. 16]. И прежде всего самообеспечение войска предполагалось в отношении фуража, дров, воды [2, p. 17 – 55]. Сами маршруты движения войск и места расположения лагерей во многом определялись местными условиями продовольственного снабжения (*Caes. B.G.* I. 23, 48). В связи с этим солдаты в ходе военных действий могли ожидать, что получат более скудное пропитание, чем при других обстоятельствах [2, p. 15].

Отметим, однако, что когда это не было сознательным самоограничением, как в случаях, описанных относительно солдат Сципиона и Метелла, то проблемы с обеспечением войска во время похода необходимым количеством пропитания могли существенно ухудшить моральное состояние солдат. Некоторые солдаты Цезаря, например, будоражили прочих, предвещая плохое продовольственное обеспечение, якобы ожидавшее их в отдаленных районах Галлии, чтобы только не идти туда против германцев и вызывавшего у них страх Ариовиста (*Caes. B.G.* I. 36). Как замечает теоретик военного дела Онасандр (I в. н.э.), войско, подвергающееся опасности «недопродовольствования» или недовольное рационом, будет сражаться хуже (*Onas.* XII). Более того, от такого войска возможно ожидать открытого неповиновения, как это в принципе следует из слов Цезаря: *Ut complures dies frumento milites caruerint et pecore ex longinquiribus vicis adacto extremam famem sustentarent, nulla tamen vox est ab eis audita populi Romani maiestate et superioribus victoriis indigna* (*Caes. B.G.* VII. 17) – «Солдаты в течение многих дней не видали хлеба и утоляли свой острый голод лишь мясом скота, пригоняемого из отдаленных деревень; однако от них не слышали ни одного звука, недостойного величия римского народа и их прежних побед» (*пер. М.М. Покровского*).

Означенная ситуация показательна, так как демонстрирует связь между продовольствованием войска, дисциплиной и моральным духом солдат. Кампания 49 года до н.э., проводившаяся Цезарем в Испании, в этом отношении стала показательной. Обнаружившаяся здесь готовность солдат Цезаря вынести лишения, связанные с недостаточным продовольственным обеспечением, возможно, стала косвенной причиной почти что бунта солдат антицезарианских войск Афрания и Петрея. Цезарь сообщает, что когда он приказал своему войску следовать далеко в сторону от очевидной цели (реки Ибер), то за ним вслед двинулись войска Афрания и Петрея, солдаты которых бранили своих командиров за то, что те не желают вернуться в Илерду и оставить победу Цезарю, так как для солдат Афрания и Петрея важнее было то, что они не могли получить в местности, куда их вели, достаточного пропитания (*Caes. B.C.* I. 48 – 55, 62 – 87). Конечно, основания возмущаться (по поводу плохого продовольственного обеспечения) могли быть как у армии Цезаря, так и у его противников, но разная степень готовности солдат из этих армий принять

опасность голодания отражает неодинаковый уровень их дисциплины. Большая дисциплинированность солдат Цезаря давала ему возможность действовать в соответствии с принципом, о котором пишет Псевдо-Фронтин: *G. Caesar dicebat idem sibi esse consilium adversus hostem, quod plerisque medicis contra vitia corporum, fame potius quam ferro superandi* ([Front.] *Strat.* IV. 7. 1) – «Г. Цезарь говорил, что он применяет против врага тот же способ, который большинство врачей применяют против телесных недугов – побеждать их скорее голодом, чем железом» (пер. А.Б. Рановича).

В то же время следует признать, что был предел и для солдат, готовых выносить лишения. Особенно важно было наличие воды, пригодной для питья. Как известно, обезвоживание более губительно для организма, чем нехватка пищи. Степень опасности для войска оказаться без воды отражена Аррианом, повествующим о возвращении Александра из Индии через Гедрозию, когда жара и жажда погубили большую часть войска (*Arr. Anabasis* VI. 24. 4).

Ощущение опасности оказаться без питьевой воды могло вызвать у солдат страх и привести в итоге к падению дисциплины. Известен пример об отступлении афинян из-под Сиракуз. Преследуемые сиракузянами и спартанцами, но более всего страдавшие от жажды, афинские воины нарушают установленный порядок при попытке пересечь реку Ассинар. Утрата афинянами дисциплины и, следовательно, соответствия войску показана Фукидидом через яркое описание того, как афинское войско бросилось не на врага, но пить речную воду (*Thuc.* VII. 84 – 85). Сказанное, разумеется, может быть соотнесено и с римским опытом. «*Bellum Alexandrinum*» представляет войско Цезаря, заманенное египтянами в ту часть Александрии, которая была лишена противником водоснабжения. В результате солдаты начинают роптать, обвиняя Цезаря в бездеятельности ([*Caes.*] *B. Alex.* 6 – 7).

В других случаях реакция солдат на нехватку воды, в сравнении с реакцией на нехватку пищи, была также весьма бурной. Войско Антония во время Парфянского похода терпеливо переносит необходимость питаться малосъедобными продуктами, даже когда это вызывает болезни. Но становится почти неуправляемым, когда ему, испытывающему муки жажды, командиры пытаются помешать пить воду из реки, вода которой к тому же была непригодной для питья (*Plut. Antonius* XLVII).

Как отмечает Плутарх, солдаты Мария у Акв Секстиевых, столкнувшись с нехваткой воды, также приходят в состояние возмущения. В этом случае Марий (или по причине неудачного расчета, или чтобы мотивировать солдат для битвы) выбирает место для лагеря, не имеющее удобных подходов к воде, в то время как противник (тевтоны) может пользоваться водой беспрепятственно (*Plut. Marius* XVIII).

Конечно, неподходящая пища (или ее нехватка) могла быть причиной падения морального духа даже хорошо дисциплинированного войска. Поэтому существенная нехватка зерна в ходе галльской кампании, о чем пишет Цезарь в своих «Записках» (см. выше), упомянута им явно затем, чтобы подчеркнуть, что даже в этих условиях его солдаты не жаловались. Цезарь определенно делает акцент на лояльности его войска по отношению к своему вождю. Впрочем, Аппиан подтверждает, что плохое продовольственное обеспечение цезаревых войск уже в ходе гражданской войны под Диррахием также не привело к дезертирству из его войск (*App. B.C.* II. 66). Более того, как пишет Цезарь, под Диррахием его солдаты, испытывая недостаток в продовольствии, тем не менее забрасывали помпеянский лагерь диковинным хлебом, выпекавшимся ими из *chara*, горького на вкус корня, едва пригодного в пищу, чем демонстрировали противнику свою готовность бороться до последнего (*Caes. B.C.* III. 48). Когда же солдаты Помпея начали сами испытывать под Диррахием нехватку продовольствия, согласно Цезарю, они стали в большом количестве перебежать к Цезарю (*Caes. B.C.* III. 61). Говоря о последнем обстоятельстве, Цезарь усиливает впечатление, которое должны произвести на читателя примеры стойкости его солдат. Создается ощущение, что солдаты сами в ходе осады установили себе высокую планку самоконтроля в отношении потребления пищи и тем продемонстрировали высокий уровень дисциплины.

Таким образом, вопрос о поддержании у войска готовности переносить трудности с продовольственным обеспечением связан с соответствующим настроением солдат. Командир, отвечая за продовольственное обеспечение своих воинов, оказывается ответственным не просто за поддержание их боеспособности, но за сохранение у них желания сражаться за такого командира. Это не кажется противоречащим тому, что делали Сципион Эмилиан и Метелл, которые ограничением солдатского рациона добились укрепления армейской дисциплины.

Правда, в случае с этими полубогатыми полководцами возникает вопрос, существовали ли в римском войске другие способы приготовления мяса, нежели варка и жарение. По-видимому, Метелл специально упрощал методы готовки, чтобы приучить своих солдат к самостоятельному приготовлению пищи и тем самым обеспечить их лучшую приспособляемость к условиям похода. Тем более что рекомендованные методы готовки (варка и жарение) не требовали сложных приспособлений: только вертел и котелок, т.е. две трети из того, что, например, Сципион позволял своим солдатам иметь в качестве кухонной утвари в условиях боевой обстановки (*App. Iber.* 85). Можно предположить, что до введения этих

запретов мясо могли готовить более причудливым способом, причем в таком виде оно могло быть приобретено у торговцев за пределами лагеря. Пример Метеллы говорит о том, что полководец здесь стремился удержать солдат от пользования услугами других людей. Приобретение приготовленной пищи находится у этого полководца под особым запретом. Отсюда можно предположить, что более замысловатые блюда солдаты покупали у торговцев.

Проанализируем вышесказанное на других примерах.

Согласно Плутарху, Марий выработывал у солдат (часть системы обучения) привычки самостоятельно готовить себе пищу (*Plut. Marius XIII*). Между тем, по крайней мере, во времена Цезаря мясо было лишь желанным дополнением к основному рациону. На это указывает пассаж: *Non illi hordeum cum daretur, non legumina recusabant; pecus vero cuius rei summa erat ex Epiro copia, magno in honore habebant* (*Caes. B.C. III. 47*) – «Они (т.е. солдаты – *C. T.*) не отказывались ни от даваемого им в пищу ячменя, ни от стручковых плодов и очень ценили мелкий скот, который в изобилии получали из Эпира» (*пер. М.М. Покровского*). По этой причине не нехватка мяса, а отсутствие хлеба было наиболее тяжелым испытанием для солдат Цезаря (*Caes. B.G. VII. 17*).

Итак, обобщая сказанное, истинно преданное своему полководцу войско может далеко зайти в готовности и способности переносить тяготы. Из античной истории известны яркие примеры решимости воинов следовать «стратегии голода», когда солдаты переходили на потребление в пищу дикорастущих растений [4, р. 36 – 41]. Как мы уже отмечали, солдаты Цезаря под Диррахием делали хлеб из местного горького на вкус растения чага, так как больше есть было нечего. Их решимость продолжать борьбу в таких условиях поразила даже Помпея, известного своей воздержанностью в пище, который, тем не менее, сравнил цезаревых солдат с дикими зверями (*Caes. B.C. III. 48; Suet. Div. Iulius 68. 2; Plut. Caes. XXXIX. 2; App. B.C. II. 61*) (Привычки и свойства самого Помпея описаны Плутархом в – *Pompey II*).

Воины Марка Антония также переносили подобные же тяготы во время борьбы за Мутину, а затем – во время Парфянской кампании (*Plut. Antonius XVII, LIX*).

Авторы (Плутарх, Цезарь и др.) явно приводят эти пассажи не только для того, чтобы запечатлеть крайние лишения, с которыми сталкивалось войско, но, главным образом, чтобы подчеркнуть дисциплинированность этих солдат и их исключительную преданность своему вождю.

Связь между продовольственным обеспечением войск и дисциплиной трудно переоценить. Дисциплина предполагала соответствующий рацион, который также был существенен для обеспечения воинской дисциплины. Эта связь представлена не только посредством принятия Цезарем солдатского стиля жизни ради укрепления своей слабой конституции (см. выше), это демонстрируемо также готовностью дисциплинированного солдата к упорному труду. Онасандр выражается по этому поводу определенно, когда говорит о том, что для привыкшего к трудам война приятна самая простая пища (*Onas. X. 5*).

Иными словами, если солдаты трудятся достаточно упорно, то это имеет следствием готовность их отказаться в отношении питания от всяких излишеств. Смысл данного положения в следующем – если солдат желает чего-то сверх необходимого, то это верный знак того, что его дисциплина не на должной высоте. Кроме того, недостаточная тренированность солдата ведет к ухудшению его самочувствия. Наконец, работа, которой солдат нагружали, была средством обеспечения дисциплины, особенно важным в случае недополучения войском провианта. Успешное подавление у солдат тяги к излишествах (в пище) в тех случаях, когда солдаты не были задействованы по службе и не были сдерживаемы от нарушений своим солдатским статусом, уменьшало необходимость в постоянном контроле за их дисциплиной. Колумелла дает соответствующий совет применительно к виллику (управляющему поместьем, надзирающему за рабами) (*Colum. De re rustica I. 8; ср. Varr. De agri cultura I. 17*): *Nulla est autem maior vel nequissimi hominis custodia, quam operis exaction... ceteri post defatigationem operis quieti ac somno potius quam deliciis operam dabunt* – «Однако нет более действенного способа надзора даже за худшими из людей (т.е. рабов – *C. T.*), чем понуждением их к тяжелому труду... остальные же (рабы – *C. T.*) после тяжких трудов будут покорны и станут скорее стремиться ко сну, чем к излишествах (досл. «к роскоши» – *C. T.*)» (*пер. автора*).

Хотя Колумелла пишет об управлении рабами (а не солдатами), предмет здесь тот же самый: контроль за большой группой людей, естественные потребности которых не могут быть удовлетворены в полной мере. Так, видим, что Онасандр как бы переплетает моральные и практические аргументы в его видении связи между военной дисциплиной и продовольственным обеспечением войска. В этом случае можно обнаружить также очевидную взаимозависимость между эффективной физической тренировкой и ее результатами, обеспечиваемыми посредством простой пищи. В центре этой схемы, по Онсандру, поскольку речь идет о воинской тренировке, – личность полководца. Онасандр подчеркивает, что это обязанность командира – обеспечить должное физическое состояние своих воинов. Он должен обеспечить не просто

всемерную готовность воинов к сражению, но такую их занятость, которая делает для солдата невозможным стремление к излишества, тем более – падение боевого духа в связи с отсутствием таковых.

И все же нельзя не отметить, что, несмотря на очевидную связь между ограничением в пище и военной дисциплиной, археологические и папирологические свидетельства показывают, что римские солдаты имели весьма неплохое питание, во всяком случае в эпоху ранней Империи (см. ниже). Поскольку воины составляли привилегированный слой, это не кажется удивительным [4, р. 125 – 126].

Анекдоты о Помпее и о Цезаре как раз показывают, насколько был непривычен для аристократов столь умеренный режим питания. Самоограничение Помпея и Цезаря явно было связано с военным лидерством, невысказанным без демонстрации единства полководца и войска, в том числе посредством принятия полководцем пищи рядового солдата. В этом отношении такой пример поведения демонстрирует, подражая Сципиону Эмилиану, Метеллу и Траяну, император Адриан (*Aelius Spart. Hadrianus* X. 2). Конечно, так поступали многие полководцы, особенно в подобающем месте и в соответствующее время, и особенно когда снимали пробу из солдатского котла, что было правилом в эпоху Империи (*Dig.* XLIX. 16. 12). Фронтин же, рассказывая об известном случае с Александром Македонским, вылившим целый шлем воды перед его измученным жаждой войском, объясняет эти действия полководца стремлением поднять дух солдат примером мужественного поведения их вождя, готового переносить лишения наряду с простыми воинами (*Front. Strat.* I. 7. 7; ср. *Polyaen.* IV. 3. 25, *Plut. Alex.* 42, *Arr. Anabasis* VI. 26. 3): *...utilior exemplo temperantiae, quam si communicare potuisset* – «принесши своим примером воздержания больше пользы, чем если бы он мог поделиться» (*пер. А.Б. Рановича*). И действительно, согласно Арриану, пример возымел действие, воодушевив воинов (*Arr. Anabasis* VI. 26. 3).

Безусловно, классическим примером воздержанности солдат в отношении пищи является описанный Псевдо-Фронтином: солдаты М. Скавра покинули лагерь, в расположении которого оказалась яблоня, покрытая спелыми плодами, не сорвав с дерева ни одного яблока (*[Front.] Strat.* IV. 3. 13). В то время как этот пример приводится у Псевдо-Фронтина, чтобы показать, сколь дисциплинированными могли быть римские солдаты, фактически он указывает и на противоположное – что такая воздержанность рядовых воинов была необычной и даже неожиданной, причем для солдат, достаточно обеспеченных провиантом. И это обстоятельство не отменяется пассажем (в том же месте) Псевдо-Фронтина: *Universi quoque exercitus notabilis saepe fuit continentia* – «Часто поразительной была воздержанность войска в целом» (*пер. А.Б. Рановича*).

Заметим, что приведенный пример воздержанности солдат в пище – единственный, который дает Фронтин (Псевдо-Фронтин), в то время как примеры воздержанности полководцев в этом же сочинении – многочисленны. Тем не менее тональность сообщения о солдатах М. Скавра указывает, каким образом в глазах римлян дисциплина была связана с готовностью принять нехватку провианта. Такая готовность отличает прежде всего полководца, который в принципе имел возможность позволить себе и излишества (в сравнении с солдатами) даже во время похода, и тем не менее должен был практиковать самоконтроль перед лицом бытовых трудностей, которые испытывали его воины.

Есть некоторые основания полагать, что многие офицеры и в походе пользовались предметами роскоши, соответственно, питались много лучше простых солдат. На это указывает, например, рассказ Цезаря об обнаружении в лагере разбитого у Фарсала Помпея большого количества серебряной посуды, приготовленной для победного пира (*Caes. B.C.* III. 96). Является ли это сообщение лишь топосом роскоши или нет (относительно дискуссии о предметах роскоши, упоминаемых Цезарем в описании лагеря Помпея [5, р. 239 – 248]), во всяком случае трудно представить, что офицеры обходились без предметов роскоши. Так, например, Антоний во время Парфянского похода, согласно Плутарху, имел в своем багаже много золотых кубков и блюд, а также дорогой мебели. По-видимому, в его лагере были еще воины, имевшие золотые и серебряные предметы (*Plut. Antonius* XLVIII). И это в то время, когда отсутствовали поставки продовольствия.

Археологические и эпиграфические данные более позднего происхождения как будто подтверждают это картину относительной роскоши. Домашние счета принадлежавшего к сословию всадников Флавия Цереала, префекта ауксилиев батавов в Виндоланде, представляют весьма широкий перечень продуктов питания, возможно включая вино *massic* – настоящую роскошь, особенно для Северной Британии [6, р. 68]. Также и пища, потреблявшаяся в той же Виндоланде рядовыми солдатами, характеризуется разнообразием и обилием, хотя и не столь выраженным, как у офицеров. Согласно данным археологии, можно утверждать, что рядовые воины здесь питались не хуже, если не лучше, чем окружавшее их невоенное население [6, р. 76 – 77; 7, р. 217; 8, р. 202 – 203].

Но здесь совершенно необходимо иметь в виду, что в логистическом отношении армия императорского Рима имела преимущества в сравнении с республиканской, так как почти постоянно пребывала в стационарных лагерях, которые, разумеется, много легче было обеспечивать бесперебойными постав-

ками продовольствия [9, p. 111 – 113]. Республиканские легионы обычно находились не в постоянных лагерях, а, скорее, в летних или зимних (временных), перемещаясь в ходе кампании более активно, что, конечно, затрудняло их продовольственное обеспечение. Это может объяснить, почему армия Антония в Парфии не имела достаточных запасов продовольствия, хотя у солдат и была золотая посуда. Данное различие, по сути, между войском, находящимся в местах постоянной дислокации, и армией, пребывающей в походе, создавало разницу не только в отношении логистики [10, p. 96], но также в отношении системы обучения воинов. Армия императорского Рима привыкала к жизни в постоянном лагере, регулярно обеспечиваемом продовольствием, тем самым отвыкая от перенесения тех тягот, которые всегда сопутствовали активным военным перемещениям в ходе кампаний. Это положение объясняет, почему Сципион и Метелл предпринимали такие усилия, чтобы отучить своих солдат от гастрономических излишеств. Оба их войска стояли слишком долго в стационарных лагерях, привыкая к относительным удобствам. Именно поэтому Онасандр обосновывает необходимость простого рациона для солдат, проходящих военное обучение в мирное время, как обязательной части такой тренировки (*Onas. X. 5*). Ее необходимость в мирное время характеризует эпоху, когда армия уже привыкла жить в лагерях [8, p. 33; 11, p. 59 – 60].

Рекомендации теоретиков военного дела, таких как Онасандр, относительно простого рациона для солдат означают призыв к подготовке войска для несения тягот походной жизни с ее перебоями в поставках продовольствия. Это не просто литературный топос, применяемый, чтобы продемонстрировать опасность роскоши. Данные археологии подтверждают информацию нарративных источников относительно различий в характере питания войск императорского Рима в постоянных лагерях и временных (т.е. походных). Временные лагеря в Римской Британии дают материал, совпадающий (в отношении данных о рационе) с данными о питании местного невоенного населения. В то же время раскопки постоянных лагерей показывают, что здесь солдаты питались гораздо лучше. Характерные археологические данные по римским стационарным лагерям состоят в большем количестве костей крупных рогатых животных, чем на территории местных невоенных поселений, для которых типичнее иной остеологический материал – кости мелких рогатых животных [12, p. 139]. Действительно, британский археолог А. Кинг пишет: «Как можно заметить, первоначально римская армия в Британии имела определенные пищевые предпочтения, которые отличали ее от других (т.е. небританских – *C. T.*) армейских группировок. Понятие «предпочтения» (англ. «preferences» – *C. T.*) здесь используем, поскольку совершенно ясно, что во время активных военных действий, во время вторжения (в Британию – *C. T.*) эти предпочтения были обусловлены стремлением к продовольственному обеспечению из всех возможных источников пропитания ради поддержания у солдат должной физической формы. Результат этого – кратковременное занятие регионов (например, Ход Хилл, Вэддон Хилл, Лонгторп, Хелмсфорд), лежащих среди невоенных поселений с преобладанием на их территории костей мелкого рогатого скота... Постоянные лагеря имеют другую структуру костных останков» (т.е. характеризуются иным остеологическим материалом – костями крупных рогатых животных – *C. T.*) [7, p. 193]. Отметим, что более новые археологические данные подтверждают эти наблюдения [13, p. 201 – 202].

Заключение. Очевидно, что римские солдаты в эпоху поздней Республики – ранней Империи, находившиеся в походе, зачастую не могли получать ту пищу, которую реально предпочитали, что видно при сопоставлении соответствующего археологического материала с материалом из постоянных лагерей. Пребывание в походе вынуждало воинов соглашаться на более скудное питание. Это заставляет нас сделать вывод о неразрывной связи между ограничением в рационе (в ходе обучения войска) и функционированием *disciplina militaria*. С другой стороны, очевидна также связь между логистической деятельностью римского полководца и характером его военного лидерства: чем драматичней складывались условия с материальными (продовольственными) поставками, тем значимее становился такой ресурс полководческого авторитета, как личный пример, харизма. И здесь, по нашему мнению, значимо было не просто индивидуальное поведение полководца, но соответствие этого поведения сложившимся традициям, римскому воинскому этосу. Иначе говоря, логистические аспекты военного лидерства в Древнем Риме – это не только грамотная организация полководцем интендантской службы и умение спланировать кампанию, но в еще большей степени умение военного лидера воспользоваться соответствующими социокультурными установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлаюк, А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2010. – № 3. – С.141 – 162.

2. Roth, J.P. The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235) / J.P. Roth. – Leiden: Brill, 1999. – XXI, 399 p.
3. Saller, R. Anecdotes as Historical Evidence for the Principate / R. Saller // Greece and Rome. – 1980. – Vol. 27. – P. 69 – 84.
4. Garnsey, P. Food and Society in Classical Antiquity / P. Garnsey. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – XIV. – 175 p.
5. Rossi, A. The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Beiium Civile* / A. Rossi // Classical Journal. – 2000. – № 95. – P. 239 – 256.
6. Bowman, A.K. A Life and Letters on the Roman Frontier / A.K. Bowman. – New York: Routledge, 1998. – 192 p.
7. King, A.C. Animal Bones and Dietary Identity in Military and Civilian Groups in Roman Britain, Germany and Gaul / A.C. King // Military and Civilian in Roman Britain: Cultural Relationships in a Frontier Province; ed. T.F.C. Blagg and A.C. King. – Oxford: British Archaeological Reports. British Series, 1984. – P. 187 – 217.
8. Davies, R.W. Service in the Roman Army / R.W. Davies. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – 270 p.
9. Bishop, M.C. Praesidium: social, military and logistical aspects of the Roman army's provincial distribution during the early principate / M.C. Bishop // The Roman Army as a Community / ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 111 – 117.
10. Waateringe van Groerman, W. Food for Soldiers, Food for Thought / W. Waateringe van Groerman // Barbarians and Romans in North-West Europe; ed. A.P. Fitzpatrick, J.C. Barret, L. Macinnes. – Oxford: British Archaeological Reports. International Series, 1989. – P. 96 – 107.
11. Le Bohec, Y. The Imperial Roman Army / Y. Le Bohec. – London: B.T. Batsford. Ltd., 1994. – 397 p.
12. King, A. Animals and the Roman army: evidence of animal bones / A. King // The Roman Army as a Community; ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 139 – 149.
13. King, A. Diet in the Roman world: a regional inter-site comparison of the mammal bones / A. King // Journal of Roman Archaeology. – 1999. – № 12. – 168 – 202.

Поступила 12.11.2012

LOGISTICAL ASPECTS OF MILITARY LEADERSHIP IN LATE REPUBLICAN AND EARLY IMPERIAL ROME

S. TELEPEN

The article deals with the relationship between these important elements of the military leadership, his axiology and routine provision of troops with food. The article explains close relationship between the traditions of self-restraint in food, typical of Roman military ethos, and such specific Roman socio-cultural phenomenon as disciplina militaria. The conclusion is made that the logistical aspects of the military leadership in ancient Rome is not only a competent organization of quartermaster service by the commander and the ability to plan the campaign, but even more the ability of the military leader to use community sociocultural aims of the Roman army to self-restrain in material consumption.